

УДК 324 + 342.8 + 351/354

А. А. Керимов

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА В ДЕЙСТВИИ: ХАРАКТЕРИСТИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ЦИКЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Целью статьи являются выявление и анализ специфики предыдущих выборных кампаний в современной России. Автор выделяет группы факторов, обуславливающих особенности электорального процесса. Дана характеристика политических сил — участниц электорального процесса, выявлены особенности функционирующей избирательной системы.

Ключевые слова: избирательная система, электоральный цикл, выборная кампания, электоральный процесс, мажоритарная система, пропорциональная система, смешанная система, Государственная дума, политические партии.

Первые парламентские выборы в постсоветской России состоялись 12 декабря 1993 г. Регламентирующими документами этих выборов были утвержденные указами президента положения о выборах депутатов Государственной думы и формировании состава Совета Федерации. Положение о выборах депутатов Государственной думы установило смешанную систему, по которой половина состава (225 мандатов) Государственной думы избиралась по пропорциональной системе (по партийным спискам), а вторая половина — по мажоритарной. Выбор в пользу смешанной системы был продиктован стремлением правящей элиты сохранить свои позиции. Считалось, что в условиях слабости политических партий пропорциональная система малоэффективна, но в то же время проведение выборов по мажоритарной системе для действующей власти тоже было рискованным.

В выборах Государственной думы 1993 г. по пропорциональной части приняло участие 13 партий. Еще 24 партии не смогли организовать сбор подписей и не были допущены к выборам. При явке избирателей в 54,81 % (суммарное количество зарегистрированных избирателей — 106 107 348) только восьми партиям удалось обеспечить себе представительство в Государственной думе: ЛДПР — 22,92 % (общее количество мандатов с учетом результатов и по одномандатным

округам — 64); «Выбор России» — 15,51 % (64); КПРФ — 12,4 % (42); «Женщины России» — 8,13 % (23); «Аграрная партия России» — 7,99 % (37); «Явлинский — Болдырев — Лукин («Яблоко»)» — 7,86 % (27); ПРЕС — 6,73 % (22); «Демократическая партия России (ДПР)» — 5,52 % (14) [14].

Как свидетельствуют итоги выборов, из 13 партий, допущенных к выборам, 5-процентный барьер смогли преодолеть 8 партий. Высокая партийная фрагментация (37 партий) на этом этапе политического развития России была предопределена незавершенностью процесса становления партий, которым «предстояло сыграть важную роль без партийной системы» [4, 18].

Выборы 1993 г. носили «учредительный» характер, и перед избирателями ставилась дилемма выбора между авторитарным прошлым и наступающим демократическим будущим. В условиях высокой неопределенности социально-политического и экономического развития общества выборы, как и ожидалось, не создали прочную систему отношений и механизмов для легитимации политической власти.

Созданный по итогам выборов парламент имел временный характер и был рассчитан на переходный период. К новым парламентским выборам 1995 г. он должен был создать первичный слой нормативно-правовых актов для придания легитимности новому политическому режиму и разработать пакет документов, регламентирующих в будущем электоральный процесс.

Нельзя утверждать, что выборы 1995 г. состоялись в совершенно иных социально-экономических и политических условиях. Политическая конкуренция в стране по-прежнему была высокая, «иерархия электоральных размежеваний фактически повторяла иерархию размежеваний политических: на первом месте шло социально-экономическое размежевание, на втором — системное, на третьем — авторитарно-демократическое» [10, 147].

На фоне ухудшающегося экономического положения и усиления социальных разломов в обществе итоги предстоящих выборов для действующей власти становились непредсказуемыми. В отличие от первых выборов в этот раз у политических партий и объединений было достаточно времени для проведения предвыборной кампании. Изменилась и нормативно-правовая база по обеспечению проведения выборов. К началу выборного процесса вступили в силу ранее принятые законы «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» и «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации».

Выборы 1995 г. по количеству участников стали беспрецедентными. Из ранее зарегистрированных политических партий и общественных объединений 258 получили разрешение на участие в выборной кампании, а 111 из них попытались воспользоваться предоставленной возможностью. В конечном результате к выборам по пропорциональной части были допущены 43 партии и избирательных объединения. По итогам выборов по пропорциональной части в Государственную думу прошли только четыре партии: КПРФ — 22,3 % (суммарное количество мандатов с учетом результатов и по одномандатным округам — 157), ЛДПР — 11,2 % (51), «Наш дом — Россия» — 10,13 % (55), «Яблоко» — 6,9 % (45). Кроме

того, благодаря мажоритарной системе в Думе получили места представители еще 20 партий. Таким образом, в выборах приняли участие 64,76 % из числа зарегистрированных избирателей; партии-победители по пропорциональной части суммарно набрали 50,5 %; партии, не преодолевшие 5-процентный барьер, суммарно набрали 44,8 % голосов; по одномандатным округам из 225 избранных депутатов практически все имели партийное представительство и лишь 94 депутата позиционировали себя как независимые [14].

Результаты выборов наглядно продемонстрировали, что на электоральный успех могут рассчитывать только партии со сложившейся системой идеологических ценностей и развитой инфраструктурой. В то же время стало очевидно, что процесс партийно-политического структурирования общества далек от завершения. По этому поводу некоторые специалисты отмечают, что «российский вариант смешанной избирательной системы еще более активизировал процесс партийной фрагментации, и при этом справедливо считают, что причиной данного явления стало отсутствие у партийных лидеров стремления к коалиционной политике» [1, 276].

Чрезвычайная фрагментированность электорального поля в какой-то степени была сглажена мажоритарной системой, которая позволила малым партиям обеспечить себе представительство в Государственной думе. Таким образом, в 1995 г. существовавшая смешанная избирательная система не была способна консолидировать политические силы. В результате от введения смешанной системы в наибольшей степени пострадали крупные партии, так как они по итогам голосования получили в Думе меньше мест, чем могли бы получить в случае проведения выборов исключительно по пропорциональной системе.

В Думе по итогам выборов левая оппозиция получила 40 % мест, кроме того, ей достался и пост председателя. Казалось, что, возможно, наступает время для складывания двухпартийной системы, способной, во-первых, облегчить избирателю выбор при голосовании и, во-вторых, создать реальную оппозицию, способную на равных конкурировать с действующей политической властью. Однако особенности политического режима перечеркнули все надежды на становление устойчивой партийной системы. Моноцентричность власти, ее колоссальные возможности манипулирования электоратом, преобладание неформальных практик в ее осуществлении по-прежнему являлись главными препятствиями на этом пути. Более того, проводимая президентом и правительством политика была направлена не на конструктивный диалог с оппозицией, а на ее дискредитацию. Так, все инициативы левых сил успешно блокировались исполнительной властью. В самые ответственные моменты исполнительная власть шла на компромиссы в первую очередь с силами, которые к ней были лояльны (например, при попытке объявления импичмента президенту исполнительной власти удалось заручиться поддержкой ЛДПР, которая первоначально выражала готовность поддержать инициативу КПРФ). Уничижительное отношение президента и правительства к парламентскому большинству в лице левых сил в конечном итоге нанесло сильный удар по авторитету парламента и парламентаризму в целом.

Очередные выборы в Государственную думу состоялись в декабре 1999 г. Эту выборную кампанию отличало участие в ней нескольких партий власти. Чехарда

с партией власти была вызвана неопределенностью в вопросе дальнейшего пребывания на посту президента РФ Б. Н. Ельцина. После экономического кризиса 1998 г. было очевидно, что действующая власть недееспособна и не располагает программой дальнейшего социально-экономического развития государства. Под нажимом общественности для выхода страны из кризиса ельцинская элита обратилась за помощью к силам оппозиции. Необходимо отметить, что кабинет Примакова — Маслюкова в целом успешно справился с поставленной задачей, избежав наихудшего сценария развития экономики страны. Возникло ощущение левого поворота в политике государства, и единственным возможным вариантом сохранения власти для старой элиты в таком случае было изменение политического дизайна, смена действующих лиц.

На волне этих же событий на политической арене появились две группы партий, претендующих на статус партии власти. Первая группа была представлена движениями «Наш дом — Россия» В. С. Черномырдина, «Отечество» Ю. М. Лужкова и движением «Единство» С. К. Шойгу, созданным специально для поддержки на предстоящих президентских выборах В. В. Путина. Очевидно, что президентских амбиций не был лишен и мэр Москвы Ю. М. Лужков. Вторую группу прежде всего представляло движение «Вся Россия», созданное региональными политическими элитами. Это движение не рассматривало возможность выдвижения своего кандидата на предстоящих президентских выборах. Свою задачу его организаторы видели в оказании поддержки реальному кандидату на президентских выборах с целью сохранения своего статуса. Впоследствии движения «Отечество», «Вся Россия» и «Единство» (декабрь 2001 г.) были преобразованы в единую всероссийскую политическую партию «Единая Россия».

Итак, в парламентских выборах 1999 г. по пропорциональной части участвовало 26 избирательных объединений и блоков. Из трех партий, накануне исключенных из списков («Российская консервативная партия предпринимателей», «Кедр», ЛДПР), только одна (ЛДПР) приняла участие в выборах в одномандатных округах. Таким образом, общее число партий, участвовавших в выборах, достигло 27. Итого в Государственной думе 1999 г. были представлены депутаты от 27 партий и блоков. Так, КПРФ по пропорциональной части избирательной системы набрала 24,29 % голосов (суммарное количество мандатов с учетом результатов и по одномандатным округам — 113), «Единство» («Медведь») — 23,32 % (73), «Отечество — Вся Россия» — 13,33 % (66), «Союз правых сил» (СПС) — 8,52 % (29), блок Жириновского — 5,98 % (17), «Яблоко» — 5,93 %, (20), а 107 депутатов были независимыми [14].

Особое внимание по итогам выборов заслуживает успех движения «Единство», которое было создано практически за несколько месяцев до начала выборной кампании. Этот успех, как отмечают исследователи, был обусловлен рядом факторов. Во-первых, о своей поддержке движения заявил уже успевший стать популярным в народе глава правительства В. В. Путин; во-вторых, правящая элита оказала решающее влияние на политику центральных телеканалов, которые предоставляли более благоприятные условия движению для проведения предвыборной агитации; в-третьих, движение «Единство» практически не опиралось

на поддержку глав субъектов Федерации, что сыграло положительную роль в его успешном выступлении [12, 101]. Как показывал опыт прошлых электоральных циклов, помощь губернаторов не всегда была надежным и достаточным фактором для обеспечения победы партии власти.

Выборы в Государственную думу 2003 г. были последними, которые проводились по старой, смешанной, системе. В выборах приняли участие 23 партии и избирательных объединения. При 5-процентном проходном барьере по пропорциональной части в Государственную думу смогли пройти только три партии и блок «Родина»: «Единая Россия» — 37,57 % (количество мест в Думе с учетом итогов по одномандатным округам — 223, т. е. представительство «Единой России» в конечном итоге составило 49,89 % от суммарного количества мест), КПРФ — 12,61 % (52; 11,63 %), ЛДПР — 11,45 % (36; 8,05 %), блок «Родина» — 9,02 % (37; 8,28 %). Явка на этих выборах составила 54,7 %, около 25 % голосов было отдано партиям, не сумевшим преодолеть проходной барьер [14].

Благодаря комбинации институциональных и политических факторов партия власти «Единая Россия» смогла конвертировать 37,57 % голосов избирателей в 68,33 % депутатских мандатов, чем создала «сфабрированное большинство» [5, 119] и реальную опасность так называемой конституционной диктатуры. Так, спикер Государственной думы, лидер «единороссов», автор заявления, что «парламент — это не место для дискуссий», Б. В. Грызлов на вопрос корреспондента «Российской газеты» о том, какие законотворческие инициативы вызовут в Думе наибольшее количество споров, ответил: «Парламентское большинство примет те законы, которые считает нужным, а о спорных пусть говорит меньшинство» [18].

Парламент, в котором «не место политическим дискуссиям», был по-своему удобен. Он позволял исполнительной власти проводить свои инициативы напрямую, не тратя время на сложный и затратный процесс внутрипарламентских согласований и выстраивания коалиций. «Создание устойчивого большинства, обладающего достаточным числом голосов, необходимых для принятия любых, в том числе конституционных, законопроектов, казалось, навсегда избавило исполнительную власть от беспокойства на тему “хватит ли голосов”» [19, 11–17].

После парламентских и президентских выборов (декабрь 2003 г., март 2004 г.) в российской политике «произошли системные подвижки, означавшие “огосударствление политического пространства”, т. е. аннулирование свободной конкуренции и элиминирование конфликтов как источников и факторов развития» [3, 231]. К числу этих подвижек относится «полная деполитизация Совета Федерации и установление политико-административного контроля над Думой; активная зачистка медиарынка и в первую очередь лишение общероссийских СМИ возможности информационно поддерживать оппозиционные политические фигуры и проекты; укрепление вертикали власти по линии центр — регионы; наделение ФСБ функциями “большого КГБ”; формирование партийной системы, исключавшей любые общественно-политические импульсы к ее развитию; жесткая правоприменительная практика по отношению к политическим конкурентам; точечное использование технологий принудительного голосования; политический раскол бизнеса и создание структур управления гражданскими объединениями;

разрешение чиновникам класса «А» вступать в политические партии, открывающее легальные пути для укрепления симбиоза политического и административного сегментов правящей элиты; партийная реформа, существенно затруднившая трансляцию интересов гражданских структур и одновременно подготовившая почву для непосредственного проникновения исполнительной власти на партийный рынок» [17, 12].

Таким образом, демократическая парадигма, исходящая из концепции соревновательной электоральной демократии, в России к середине нулевых годов потерпела полный крах. В 2003 г. партийная площадка полностью была зачищена. Прямой эффект от «огосударствления политического пространства» выразился в укреплении режима личной власти президента и его команды, выстраивании такой системы, при которой выборный процесс превращался в фарс. «Конкуренция на выборах стала более ограниченной, сократились возможности избирателей влиять на государственную власть» [11, 76]. В условиях отсутствия соревновательности выборы приобрели характер некоего действия, напоминающего референдум, с помощью которого можно было выразить свою лояльность к существующему политическому режиму. «Государственная дума, начиная с ее четвертого созыва, утратила характер государственного института всенародного политического представительства, основанного на реализации конституционного принципа многопартийности, и приобрела черты, характерные для законодательных органов административного типа в авторитарных политических системах с одной правящей партией; это и предопределило стиль и результаты законодательной и контрольной деятельности нижней палаты российского парламента, которая стала полностью подконтрольной президентской власти в лице Администрации Президента» [13, 53].

Дальнейшая эволюция избирательной системы привела к созданию всех необходимых условий для триумфа партии власти «Единая Россия» на декабрьских выборах 2007 г. В отличие от прошлых электоральных циклов эти выборы прошли по новым правилам. Новое избирательное законодательство предусматривало упразднение одномандатных округов, повышение существовавшего 5-процентного проходного барьера до 7 %. В избирательных бюллетенях была отменена графа «Против всех».

В выборной кампании приняли участие 10 партий, которым удалось суммарно набрать около 92 % голосов избирателей. Так, «Единая Россия» набрала 64,3 % голосов избирателей, тем самым обеспечив себе 315 мест в нижней палате Федерального собрания, КПРФ — 11,57 % (57 мест), ЛДПР — 8,14 % (40 мест) и «Справедливая Россия» — 7,74 % (38 мест). Явка избирателей составила 63,71 % [14].

По итогам выборов страна получила парламент с подавляющим большинством одной партии. В этом смысле по парламентаризму был нанесен мощный удар. «Предварительный удар по российскому парламентаризму был нанесен составом списков кандидатов в депутаты Госдумы, далеким от реальной социальной структуры общества» [8, 188]. По сообщениям СМИ, в списках победившей «Единой России» 74,3 % мест было предоставлено чиновникам во власти. Из 446 кандидатов 258 оказались представителями исполнительной власти, 188 — законодательной,

72 — бизнесменами, а 99 из них играли роль «паровозов», состоящих из губернаторов и других влиятельных деятелей. В списках «Единой России» лишь 48 человек были представлены гуманитарной, творческой и технической интеллигенцией. По количеству интеллигенции и молодежи в своих списках «Единая Россия» занимала последнее место среди 11 партий, участвовавших в выборах в Госдуму.

В списках КПРФ рабочие и инженеры составляли около 10 %, представители гуманитарной и творческой интеллигенции — 17 %, а остальные — бывшие депутаты Госдумы и чиновники. В списках ЛДПР чиновники составляли 40 %, предприниматели — 33,3 %, гуманитарная, творческая, техническая интеллигенция — 8,9 %, временно не работающие — 7,5 %. В списках «Справедливой России» доля чиновников составляла 30,2 %, предпринимателей — 34,8 %, гуманитарной интеллигенции — 7,5 % [6].

Выборы в Государственную думу шестого созыва состоялись в декабре 2011 г. К этому времени в избирательное законодательство было внесено множество поправок. По новым правилам Государственная дума впервые избиралась на 5 лет; партии, не преодолевшие заградительный барьер в 7 %, наделялись правом представительства в Думе; партии, набравшие более 6 % голосов избирателей, получали два депутатских мандата, а партии, набравшие от 5 до 6 %, — 1 мандат.

Накануне выборов многочисленные социологические опросы свидетельствовали об усталости россиян от партии власти. Согласно опросу ВЦИОМ ««Единая Россия» еженедельно теряла около 1 % потенциальных избирателей» [2]. Тенденция к потере своих позиций правящей партией зарождала в обществе определенные надежды на социально-политические, экономические изменения. Эти ожидания и надежды, в отличие от предыдущих выборных кампаний, придавали электоральному сезону 2011–2012 гг. больше динамичности и делали его результаты непредсказуемыми. По сути, выборная кампания декабря 2011 г. являлась началом нового политического года, причем она выступала в качестве индикатора по выявлению доверия со стороны населения к действующей власти, которая должна была выдержать экзамен уже в марте 2012 г.

Центральная избирательная комиссия России признала выборы в Государственную думу состоявшимися и действительными. По данным ЦИК, на выборах проголосовало около 66 млн избирателей (60,21 % от общего количества россиян, имевших право голоса), что на 3,5 % меньше, чем на выборах 2007 г. «Единая Россия» получила 49,32 % голосов избирателей (суммарное количество мандатов в новой Думе — 238), за КПРФ проголосовали 19,2 % избирателей (92 места), за «Справедливую Россию» отдали голоса 13,24 % избирателей (64), на четвертом месте оказалась ЛДПР, сумевшая набрать 11,67 % голосов (56). Не преодолели необходимого для прохождения в Думу 7-процентного барьера три партии: «Яблоко» — 3,43 %, «Патриоты России» — 0,97 % и «Правое дело» — 0,6 % [15].

Ожидаемую победу на выборах одержала партия власти, но по сравнению с выборами 2007 г. ее потери были существенны. Основная причина начала заката главной прокремлевской партии кроется не только в отсутствии серьезной предвыборной борьбы, но и в невыполнении ею своих прежних предвыборных обещаний. Очевидно, что в выборах в условиях отсутствия политической конкуренции

участвовали не оппоненты власти (возможно, кроме КПРФ), а скорее ее спарринг-партнеры. Это касается и партии «Справедливая Россия», и ЛДПР, которые в условиях всевластия «Единой России» не представляют никакой угрозы для системы. Лидеры вышеуказанных партий, по всей видимости, легко договариваются с администрацией президента, и политика для них является всего лишь бизнесом, а не борьбой за власть.

Если в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого столетия избиратели на волне политического романтизма свой выбор делали преимущественно на основе личных симпатий и предпочтений, то уже на выборах 2011 г. в их действиях начинает преобладать прагматизм. Политическое взросление населения, хотя и медленное, приводит к тому, что избиратели начинают более ориентироваться на содержательную сторону программных заявлений. В этом отношении у россиян имелось немало оснований для разочарования в партии власти. Задекларированные еще в начале 2000-х гг. обязательства разрушить бюрократическую систему, покончить с всевластием чиновников и сократить их количество, бороться с коррупцией, создать благоприятные условия для развития страны так и остались невыполненными. Наоборот, результатом политического развития страны за этот период стало преобладание в политической системе авторитарных тенденций, усиление режима личной власти президента, превращение парламента, оппозиции и СМИ в контролируемые и управляемые силы, усиление чиновничье-полицейского засилья и т. д.

Безусловно, степень легитимности избранной в декабре 2011 г. Думы вызывает сомнения. По многочисленным данным, процедура голосования и подсчет голосов практически по всей стране проходили с нарушениями законодательства. Нет сомнений в том, что в ряде регионов избирательный процесс был полностью под контролем администрации, иначе невозможно объяснить причины невероятного успеха правящей партии в ряде регионов. Например, в Республике Мордовия «Единую Россию» поддержали 93 % избирателей, в Чеченской Республике — 99,6 %. Такие же поразительные результаты партия власти продемонстрировала в других северокавказских республиках, Омской, Томской областях. Как отмечает американский исследователь П. Норрис, фальсификация результатов выборов может вызвать «сомнения в их честности и может выливаться в акции протеста со стороны общества; такой протест наиболее вероятен в гибридных политических режимах; нечестные выборы, при наличии определенных условий, могут стать катализатором изменений в самой политической системе» [20, 297].

Результаты выборов привели к масштабному протесту, на что власть отреагировала разгонами митингов и объявлением планов некоторой либерализации политической системы, при этом заверив, что намечающиеся реформы никак не связаны с волной протестов.

Послевыборные протестные акции в стране наглядно показали отсутствие в политической системе консолидированной оппозиции. Несмотря на некоторые заявления лидеров политических партий о совместных действиях, очевидно, что КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» и другие партии не хотели и не допускали даже гипотетической возможности объединения сил.

Парламентские выборы 2016 г. прошли «в условиях во многом уникальной для страны социально-политической ситуации, характеризующейся высоким уровнем поддержки федеральной власти, всплеском патриотических настроений, а также укреплением национально-политической идентичности, ставшим следствием внешнего давления на Россию» [7, 36]. Ожидаемую победу на этих выборах одержала «Единая Россия», которая набрала 54,21 % голосов избирателей. Партия обеспечила себе рекордное количество мандатов в парламенте — 343 места (для сравнения: в 2011 г. — 238 мест, 2007 г. — 315 мест). (В Думу кроме «Единой России» прошли: КПРФ — 13,34 % (43 мандата), ЛДПР — 13,14 % (39 мандатов), «Справедливая Россия» — 6,22 % (23 мандата) [15].)

Таким образом, анализ предыдущих избирательных кампаний показывает, что за прошедший период не были созданы устойчивые и воспроизводящиеся электоральные правила, выступающие «тонким индикатором политических процессов, происходящих в обществе» [9, 20]. Установленные избирательной системой правила участия в выборах и создания сильной партийной системы оказались достаточно противоречивыми и малопродуктивными. Многочисленные поправки, внесенные в избирательное законодательство, привели к тому, что процесс формирования парламента оказался под контролем президентской администрации. «Фактический проигрыш сторонников Ельцина на думских выборах в декабре 1993 г., успех коммунистов на выборах в декабре 1996 г. и реальная опасность их выигрыша на президентских выборах 1996 г. привели к стратегии "управляемых выборов", сохраняющейся по сию пору. Здесь разочарование правящих групп в электоральном механизме привело к ставке на административные ресурсы, подкрепленные юридическими ("фильтры", манипуляция электоральными законами) и силовыми (аресты знаковых оппозиционеров) методами, что и обозначило сдвиг к жесткому авторитаризму» [16, 151].

1. Анохина Н. В., Мелешкина Е. Ю. Смешанная и пропорциональные избирательные системы в условиях российского президентализма // Электоральное пространство современной России. Политическая наука. М., 2009. С. 263–285.

2. ВЦИОМ: «Единороссы» еженедельно теряют 1 % избирателей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaks.ru> (дата обращения: 18.06.2019).

3. Глухова А. В. Политический конфликт: механизм или тормоз российской трансформации? // Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: ежегодник 2006. М., 2007. С. 228–245.

4. Голосов Г. В. Происхождение современных российских политических партий, 1987–1993 // Первый электоральный цикл в России (1993–1996). М., 2000. С. 77–105.

5. Голосов Г. В. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // Полис. 2005. № 1. С. 108–120.

6. Дмитриев И. Архитектура «ЕДРА» // Московские новости. 2007. 2–8 нояб.

7. Ежов Д. А. К проблеме определения тенденций современного избирательного процесса в России // Власть. 2016. № 7. С. 35–38.

8. Каранетян Л. М. Политические партии в судьбе России. СПб., 2009.

9. Керимов А. А. Метаморфозы избирательной системы современной России // Власть. 2013. № 12. С. 17–20.

10. Коргунок Ю. Г. Пространство политических размежеваний России накануне думских выборов 2016 г. // Коммуникология. 2016. № 4. С. 137–148.
11. Кузнецов И. И. Контрольные полномочия российского парламента: политические возможности и ограничения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12 : Политические науки. 2011. № 2. С. 68–89.
12. Лихтенштейн А. В. «Партии власти»: электоральные стратегии российских элит // Второй электоральный цикл в России (1999–2000). М., 2002. С. 65–85.
13. Нисевич Ю. А. Электоральная коррупция в России: политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003–2012 годах. М., 2014.
14. По материалам Центральной избирательной комиссии РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://cikrf.ru/> (дата обращения: 18.06.2019).
15. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 12 мая 2012 г. № 123/943-6 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 18.06.2019).
16. Розов Н. С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // Полис. 2016. № 1. С. 139–156.
17. Соловьев А. И. Электоральный дефолт и деиндустриализация политического рынка // Полис. 2004. № 1. С. 9–12.
18. Шкель Т. Политический год стартует // Российская газета. 2006. 6 сент.
19. Шульман Е. М. Законотворчество как политический процесс. М., 2014.
20. Norris P. Why Electoral Integrity Matters. N. Y., 2014.

Рукопись поступила в редакцию 1 июля 2019 г.